Дата поступления рукописи в редакцию: 15.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-139-147
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.

САЧЕНКО Алексей Леонидович,
кандидат юридических наук, доцент Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия, Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: alex_sachenko@list.ru

КОЛЕСНИКОВА Марианна Михайловна,
кандидат юридических наук, Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия, Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: marianna0044@mail.ru

ПРАВОВЫЕ КРИТЕРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ В АРБИТРАЖНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ ПРОКУРОРА О ПРИЗНАНИИ СДЕЛОК НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ

Аннотация. *Современные экономические реалии, обусловленные значительной ролью государства как регулятора отношений в сфере предпринимательства, формируют новые подходы к правоприменению и правовой квалификации экономической целесообразности заключаемых сделок в сфере предпринимательства. Особую значимость в этой связи имеет тенденция распространения обращений в суд прокурора с требованиями о признании экономических сделок недействительными. В то же время судебная практика в отношении оценивания действий хозяйствующих субъектов складывается неоднородно. С целью возможного совершенствования единообразия экономического правосудия по подобного рода категориям дел, дана оценка критериев экономической целесообразности сделок арбитражными судами по искам прокурора о признании ее недействительной.*

Ключевые слова: *сделка, экономическая целесообразность, требования прокурора, недействительность, разумность и добросовестность, хозяйствующие субъекты, экономические споры.*

SACHENKO Alexey Leonidovich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, North Western Branch, Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russia

KOLESNIKOVA Marianna Mikhailovna,
Candidate of Legal Sciences, North Western Branch, Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russia

LEGAL CRITERIA FOR ECONOMIC FEASIBILITY IN ARBITRATION PROCEDURAL PRACTICE WHEN CONSIDERING THE PROSECUTOR'S CLAIMS TO DECLARE TRANSACTIONS INVALID

Annotation. *Modern economic realities, shaped by the significant role of the state as a regulator of relations in the business sphere, are shaping new approaches to law enforcement and the legal assessment of the economic feasibility of transactions in the business sphere. Of particular importance in this regard is the trend towards an increase in the number of appeals filed by prosecutors to the courts with demands to declare economic transactions invalid. At the same time, judicial practice regarding the assessment of the actions of economic entities is heterogeneous. In order to potentially improve the uniformity of economic justice in such categories of cases, the criteria*

for the economic feasibility of transactions have been assessed by arbitration courts in response to the prosecutor's claims to declare the transaction invalid.

Key words: *transaction, economic feasibility, prosecutor's claims, invalidity, reasonableness and good faith, economic entities, economic disputes.*

Постепенное регулирование экономических отношений в российском обществе демонстрирует основные этапы государственно-правовой политики в сфере как гражданского, так и торгового оборота. Идеализация максимальной свободы при осуществлении предпринимательской деятельности, в последние четверть века претерпело ряд изменений с точки зрения восприятия и трактования сложившегося законодательства, регулирующего предпринимательские отношения. В данном случае необходимо отметить то, что подобного рода изменения происходят без кардинальной смены вектора правовой политики государства, которое по-прежнему стоит на началах свободы предпринимательства, включая такие конституционно-правовые принципы как свобода экономических отношений, так и свободное осуществление предпринимательской деятельности. Более того, глобальные явления, имеющие место в современном мире, такие как, цифровизация экономики, унификация экономических процессов, свидетельствуют о незыблемости базовых принципов функционирования российской экономики. Однако, в части развития различных экономических отношений в мировой экономике очевидным становится то, что достижение абсолютной свободы при осуществлении предпринимательской деятельности является утопичной как в теории, так и на практике. Поэтому даже в содержании ст. 34 Конституции РФ говорится о том, что любая экономическая деятельность имеет рамки закона, несмотря на то, что внутри таких рамок присутствует максимальная свобода для предпринимателя. Если же обратить внимание на подобные явления в зарубежных правопорядках, то становится очевидным и то, что во многих государствах, служивших своего рода эталоном развития для отечественной экономики в девяностые годы прошлого века, имеет место активное вмешательство государства в регулирование различных сегментов экономики. На современном временном отрезке, подобного рода явления объясняются необходимостью обеспечения стабильности развития общественных отношений в отдельно взятом государстве, реализации мер социальной поддержки, защиты интересов национального товаропроизводителя в условиях мировой конкуренции на рынке. Ввиду этого, вполне оправданы меры протекционизма и государственного контроля со стороны ряда лидеров европейских государств в отношении собственных участников предпринимательской деятельности, выраженных в государственном субсидировании производств, введении заградительных пошлин и тому подобное.

По этой причине обеспечение публично-правовых интересов в сегменте российского предпринимательства представляется вполне логичным и обоснованным с позиции сложившейся мировой практики. Общеизвестно, что целевой установкой любой предпринимательской деятельности в соответствии с содержанием ст. 2 ГК РФ является систематическое извлечение прибыли, поэтому получение доходов является тем правовым интересом, которым руководствуется предприниматель, заключая различные сделки с различными участниками гражданского оборота. Отсюда следует и то, что целевой установкой осуществления любой предпринимательской сделки является получение прибыли, даже с учетом того, что изначально сам предприниматель несет экономические затраты, рассчитывая на получение доходов за счёт добавленной стоимости впоследствии.

Данное заключение во многом вытекает из содержания нормы статьи 252 НК РФ в которой указано то, что любые расходы, которые несет налогоплательщик в том числе и предприниматель, должны быть экономически оправданными. Соответственно, получение прибыли, как минимум, учитывается органами публичной власти при восприятии понятия «экономическая целесообразность» деятельности хозяйствующего субъекта.

Такой же позиции придерживается Министерство финансов РФ, закрепляя то, что обоснованность расходов должна оцениваться с учетом объективных обстоятельств, свидетельствующих о намерениях налогоплательщика получить экономический эффект в результате реальной предпринимательской или иной экономической деятельности [1].

Хотя в данном случае не затрагивается содержание понятия «экономическая целесообразность», тем не менее следует сделать вывод о том, что одним из первичных признаков экономической целесообразности заключения сделки является несение расходов со стороны хозяйствующего субъекта. Однако, с точки зрения правовой оценки несения расходов предпринимателем, органы публичной власти должны руководствоваться критерием экономической обоснованности расходов. При этом экономическая обоснованность расходов обеспечивается целевой установкой предпринимательской деятельности, именуе-

мой в вышеуказанном случае – экономическим эффектом в результате осуществления реальной экономической деятельности. Таким образом, по своему содержанию совпадает понимание основной цели осуществления предпринимательской деятельности как со стороны частно-правового, так и публично-правового регулирования, которая заключается в извлечение прибыли со стороны предпринимателя.

По этой причине, с точки зрения понимания рамок экономической целесообразности, в заключении сделок предпринимателем можно выделить следующие критерии: наличие расходов со стороны хозяйствующего субъекта, экономическая обоснованность расходов и наличие единой цели – получение прибыли в качестве конечного результата заключения сделки.

Изначально схожая модель была заложена арбитражной практикой еще двадцать лет назад, когда на тот момент Высшим Арбитражным Судом РФ было издано Постановление Пленума № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» [2]. В частности, в п. 3 данного Постановления содержатся такие категории как «действительный экономический смысл», «разумные экономические причины» а так же «цели делового характера». Поэтому стоит заметить, что такие категориальные понятия затрагивали изначально налоговые отношения, но впоследствии стали широко применяться при оценке экономических отношений выйдя за рамки их публично-правового восприятия. Например, в отношениях, связанных с привлечением к гражданско-правовой ответственности лиц, контролирующих должника в рамках признания его банкротом, такие критерии как «действительный экономический смысл» и «разумные экономические причины» [3] играют важнейшую роль для признания судом приобретенной выгоды незаконной, чему предшествует признание сделки недействительной в спорах между частно-правовыми субъектами. Данная правовая характеристика в оценке, поведения какого-либо субъекта со стороны арбитражного суда применяется достаточно широко. В частности, Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20.03.2026 № Ф07-7321/2025 по делу № А13-2542/2022 связывает экономический смысл с получением выгоды, которая обуславливается разумными экономическими причинами. Подобная позиция арбитражного суда, выступающего в вышеприведенном примере в качестве суда кассационной инстанции подтверждает то, что такие оценочные понятия как «действительный экономический смысл» и «экономическая целесообразность» с течением времени стали синонимичными понятиями, которые объединены целевой установкой – получение выгоды.

В системе предпринимательских отношений, к пониманию экономической целесообразности сделки примыкает конструктивный критерий оценки добросовестности в осуществлении прав и обязанностей участников гражданского оборота. По нашему мнению, данный общий принцип-презумпция, закрепленный в ч. 5 ст. 10 ГК РФ представляет собой еще один критерий, предопределяющий оценку в действиях хозяйствующего субъекта экономической целесообразности при заключении им сделки. В частности, это отражается в содержании п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [4], где указано, что при оценке добросовестности действий участников гражданского оборота рассматривается такое поведение субъекта, которое должно учитывать права и законные интересы другой стороны, в том числе и при заключении сделки, поскольку сделкой, в любом случае являются действия граждан и юридических лиц, осуществляющих, в рассматриваемом контексте, предпринимательскую деятельность. Вышеизложенное подкрепляется тем, что с точки зрения теоретического восприятия теснейшей взаимосвязи добросовестности и экономической целесообразности при заключении предпринимательской сделки указывается на ведущую роль суда в оценке данных критериев. Так, в частности, Иванов А.А. рассуждая о роли суда по осуществлению правовой квалификации договора указывает на сочетание принципов экономической целесообразности и добросовестности при анализе предмета и сущности взаимоотношений между сторонами договора [5, с. 57]. В контексте анализа юридически значимых действий, Ю.В. Виниченко рассуждая о судейском усмотрении говорит о бесспорности оценивания действий добросовестной стороны [6, с. 68] с допустимой возможностью указания таких понятий «незначительность», «существенность», «соразмерность». При этом обеспечение соблюдения баланса интересов каждой из сторон так же образует своеобразный критерий при осуществлении защиты публично-правовых интересов в рассмотрении конкретного спора. В ряде теоретических источников указано на то, что реализация такого критерия как соблюдение баланса интересов при оценке судом поведения участника экономического оборота напрямую опосредует то, будет ли решение правосудным или нет [7].

Представляется, что указанные выше критерии оценивания добросовестности поведения стороны в большей степени определяют границы

построения модели гражданско-правового отношения в целом и, по этой причине, учитываются судом в любом случае, когда речь идет об установлении факта недобросовестного поведения участника гражданского оборота. Однако, в части определения критериев экономической целесообразности сделки, критерий добросовестного поведения участника сделки, вытекающий из предпринимательских отношений, имеет ряд особенностей, что в целом, не исключает факта того, что оценка судом добросовестности поведения участника предпринимательских отношений имеет место в любом случае, когда речь идет об экономической целесообразности заключения сделки в целом.

Несмотря на то, что критерий добросовестности поведения участников гражданского оборота учитывается судом в любом случае в силу презумпции, закрепленной ч. 5 ст. 10 ГК РФ, представляется важным обратить внимание на содержание пункта 1 данной статьи, раскрывающей признаки недобросовестного поведения, которое выражается в действиях в обход закона, с целью причинения вреда другому лицу. Особое внимание представляет указание закона на то, что действия, которые осуществляются участником гражданского оборота, в том числе хозяйствующим субъектом, могут быть оценены судом как недобросовестные, в том случае, если совершаются с целью причинения вреда как имущественным правам, так и нематериальным благам. Несмотря на очевидность объективности суждений на данный счет, стоит заметить то, что в основе любой гражданско-правовой сделки, равно как и предпринимательской сделки лежит законный интерес, что обуславливает в итоге, возникновение прав и обязанностей сторон сделки.

Как отмечалось выше цель предпринимательской сделки состоит в извлечении прибыли, что выражается в восприятии такой сделки, как экономически обоснованной. Содержание экономической целесообразности конкретной сделки можно оценить лишь после ее заключения и, как правило, уже после совершения самой сделки. Исключительным правом на предмет оценивания сделки, в том числе в части ее экономической целесообразности и добросовестности действий предпринимателя при ее исполнении, обладает только арбитражный суд, признавая сделку недействительной и применяя в данном случае соответствующие последствия. Это, в частности отражается в позиции Верховного Суда РФ, которая содержится в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 за 2025 год, где указано следующее: «… если сделка нарушает установленный пунктом 1 статьи 10 ГК РФ запрет на недобросовестное осуществление гражданских прав, в зависимости от обстоятельств дела такая сделка может быть признана судом недействительной на основании положений статьи 10 и пункта 1 или 2 статьи 168 ГК РФ. При наличии в законе специального основания недействительности такая сделка признается недействительной по этому основанию» [8]. В этой связи, видится необходимым отметить так же и то, что при определении критерия экономической целесообразности сделки стоит учитывать также характер действий сторон, максимально способствовавший не только достижению экономического эффекта от такой сделки, но и исключающий возможность причинения вреда как самим фактом заключения сделки, так и ее исполнением. Таким образом, экономический эффект, ожидаемый от добросовестного поведения участников сторон по предпринимательской деятельности, является своего рода изначальной «каузой» или основанием для общей оценки экономической целесообразности сделки. Соответственно, никак не может оцениваться в качестве сделки такие действия хозяйствующего субъекта, которые привели к причинению вреда и (или) нарушению закона, либо посягательству на публично-правовые интересы общества, охраняемые государством. В контексте исследования данного вопроса важно обратить внимание на достаточно широкие полномочия органов прокуратуры в части защиты публично-правовых интересов, имеющих место при осуществлении предпринимательской деятельности различными участниками гражданского оборота.

Представляется, что анализ содержания ст. 52 АПК РФ, в контексте рассматриваемой темы будет излишним, однако, стоит заметить то обстоятельство, что прокурор обладает правом на признание сделки недействительной не будучи ее участником, но при этом обладая процессуальными правами и обязанностями, в том числе и вытекающими в процессе аргументации отсутствия экономической целесообразности заключенной сделки, если таковой затрагиваются интересы публично-правовых образований. При этом, соответствующее публично-правовое образование так же вправе выступить в качестве истца в лице уполномоченного органа, с соответствующей мотивацией на предмет отсутствия экономического основания сделки.

Подобное правомочие публично-правового образования разъясняется в п. 10 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.03.2012 № 15 «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе» [9], однако, в ряде случаев теоретического восприятия данных правоотношений, указывается на то, что в делах по иску прокурора о признании сделки недействительной

орган государственной власти выступает одним из ответчиков наряду с другой стороной сделки [10]. Подобная точка зрения так же имеет место, поскольку, сформировавшаяся судебная практика, свидетельствует о распространенности факта привлечения уполномоченного органа в качестве ответчика [11]. В целом же, подобного рода явление не имеет принципиального значения, поскольку даже привлеченная в качестве ответчика сторона вправе обосновывать или опровергать наличие экономической целесообразности заключения сделки.

В этой связи необходимо обратить внимание на исключения в отношении сложившейся реализации принципа свободы предпринимательской деятельности со стороны органов судебной власти, осуществляющих судопроизводство по экономическим спорам. Например, Постановлением Второго арбитражного апелляционного суда от 20.05.2009 по делу № А29-10933/2008 отдельно указано на возможность ограничения свободы предпринимательской деятельности законом, поскольку таковая не носит абсолютный характер, при этом такие ограничения не могут осуществляться произвольно и необходимы для защиты прав и законных интересов других лиц, в том числе и государства [12]. Таким образом, защита публично-правовых интересов в предпринимательской сфере необходима с целью восстановления нарушенных прав, поэтому допускается то, что в процессе исполнения предпринимательской сделки могут быть нарушены законные интересы государства, несмотря на то, что сама по себе экономическая целесообразность сделки как таковая имеет место быть. По этой причине, можно выделить еще один критерий экономической целесообразности сделки – это правовые последствия, возникающие в отношении третьих лиц. В нашем случае, таким третьим лицом выступает государство как публично-правовое образование, либо уполномоченный им орган государственной власти.

В судебной практике подобного рода явления широко распространены и в объективных реалиях они выражаются в том, что именно прокурор, осуществляя защиту публично-правовых интересов, вправе инициировать судебное разбирательство на предмет признания сделки недействительной. Как отмечалось ранее, в подобных случаях интерес по сделке, равно как ее экономическое обоснование, не имеет юридического значения, поскольку инициация признания сделки недействительной осуществляется государством, не являющейся стороной по сделке, в лице прокурора. В особенности это важно, когда речь идет о заключении и дальнейшем исполнении государственных контрактов, что иногда выражается в нарушении процедур заключения таких сделок, а порой и прямым нарушением антикоррупционного законодательства.

Не переходя границы публично-правового регулирования сделок с участием государства по поводу соблюдения процедуры их заключения, важно обратить внимание на анализ содержания экономической целесообразности уже заключенной сделки с учетом интересов государства. В данном контексте стоит лишь заметить то, что с одной стороны экономическая целесообразность заключения сделки хозяйствующим субъектом выражается в возможности извлечения прибыли, а с другой стороны сопровождается юридически значимым требованием уже бюджетного законодательства об экономической эффективности расходования бюджетных средств с учетом разумности и результативности их использования. В этой связи, автономность волеизъявления сторон по подобным сделкам выражается в том, что при рассмотрении расходования бюджетных средств, публично-правовые субъекты, являясь участниками бюджетного процесса и, выступая стороной по сделке, наделены правом самостоятельно определять экономическую обоснованность совершения экономической операции. Фактически это вытекает из содержания п. 23 Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2006 № 23 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации» [13], однако, при этом, обращено внимание на то, что в каждом конкретном случае участник бюджетного процесса должен руководствоваться необходимостью и целесообразностью совершения расходной операции во исполнение сделки.

В свою очередь, на уполномоченный орган, в нашем случае на прокурора, обратившегося с иском о признании сделки недействительной, возлагается обязанность доказать неэффективность расходования бюджетных средств, ввиду возможности использовать их меньший объем. Здесь особо важно заметить тот факт, что отсутствие экономической обоснованности бюджетных расходов как юридического факта, подлежит доказыванию в каждом конкретном деле. Например, из содержания Определения ВАС РФ от 13.01.2014 № ВАС-18963/13 явствует то, что наличие у иных поставщиков аналогичного товара с более низкими или более высокими ценами не может нарушать прав поставщика, выполнившего свои обязательства по договору поставки, на получение денежных средств, указанных в договоре, в качестве цены за поставленный товар [14]. В данном конкретном примере наглядно иллюстрируется подход, который сегодня можно применить весьма условно, учитывая и тот факт, что

Высший арбитражный суд трансформировался в Коллегию по экономическим спорам Верховного Суда РФ, но тем не менее в рассматриваемом случае экономическая целесообразность заключения сделки публично-правовым образованием не зависит от критерия ценообразования, что порождает право требовать оплаты поставленного товара для государственных или муниципальных нужд. Однако вопрос об оптимизации расходов бюджетных средств никогда не терял своей актуальности и поэтому в настоящее время большое значение представляет собой право хозяйствующего субъекта требовать исполнения в том случае если сделка им исполнена, но впоследствии признается недействительной. С другой стороны, в противовес данному субъективному праву участника предпринимательской деятельности выступает требование прокурора о взыскании в пользу государства полученной прибыли в рамках применения односторонней реституции.

Интерес, в связи с этим взывает то, как арбитражной практикой разрешаются вопросы применения последствий признания сделки недействительной. Здесь важно заметить еще раз то, что для предпринимателя экономическая целесообразность сделки состоит в возможности извлечения прибыли в результате ее исполнения и по этой причине применение арбитражными судами реституции как последствия признания сделки недействительной осуществляется с учетом такого критерия как извлечение прибыли в результате осуществления сделки, поскольку для предпринимателя это прибыль, полученная им на законном основании, а для государства, в лице прокурора – это незаконно полученные доходы. В связи с этим заслуживает внимание позиция арбитражного суда, изложенная в Постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 11.08.2026 № Ф04-1753/2026 по делу № А46-17426/2025, согласно которой, исполнение ничтожного контракта не препятствует возврата оплаты в порядке реституции, поскольку иной подход позволял бы недобросовестным лицам извлекать прибыль из противозаконных действий, нарушая публичный правопорядок [15].

Такой подход вполне соответствует общему восприятию установления факта недействительности сделки, в случае нарушения порядка ее заключения, поскольку в данном случае имеют место быть действия совершенные в обход закона, что является формой злоупотребления правом. Более конкретно данная позиция отражена в п. 20 Обзора судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 28.06.2017 г, из которого следует то, что у исполнителя по сделки не возникает право требования оплаты, в том случае если сделка осуществлялась во исполнение интересов государственного или муниципального заказчика, в отсутствии государственного или муниципального контракта [16].

Таким образом, вопрос о неприменении реституции при признании сделки недействительной ввиду несоблюдения требований к заключению государственного или муниципального контракта к исполнителю сделки – хозяйствующему субъекту окончательно снят в пользу государства, а экономическая целесообразность сделки, из которой исходила сторона, не имеют юридического значения. Но, иногда случаются исключения, в связи с чем, заслуживает внимание анализ решения Арбитражного суда Чувашской республики по делу № А79-5405/2024. В данном случае имело место быть весьма распространённое явление, позволяющее обойти требования Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» в части исполнения процедуры заключения контракта в виде его дробления на самостоятельные сделки, без проведения обязательных процедур. При этом данный факт был установлен судом и данное обстоятельство было отражено в мотивировочной части решения, однако в ней же было указано на то, что предмет сделки был передан заказчику без каких-либо замечаний со стороны последнего. Так же было указано на то, что результат работ находится в эксплуатации, что означает использование полученного по сделке заказчиком. Но примечательно то, что суд сделал вывод о том, что на основании вышеуказанных фактов, действия подрядчика являются законными и добросовестными и по этой причине в применении односторонней реституции в данном случае было отказано.

Конечно, на основании этого преждевременно делать вывод о системном подходе к определению критерия экономической целесообразности, которая выражается в том, что исполнение по сделке фактически используется государственным или муниципальным заказчиком, но нельзя не обратить внимание на то, что данное решение вступило в законную силу, в связи с чем такая позиция арбитражного суда носит преюдициальный характер.

В вышеизложенном понимании обстоятельств дела со стороны судебного органа, критерием экономической целесообразности сделки помимо факта заключения сделки является факт передачи предмета исполнения по договору государственному заказчику без замечаний, что,

по-нашему мнению, является второстепенным, поскольку большее юридическое значение имеет установленный судом факт использования работ заказчиком. То есть фактическое использование полученного по сделке, даже в том случае, если в последствии правомерность заключения самой сделки будет ставиться под сомнение, может рассматриваться в рамках конкретного достигнутого результата, вполне законно, поскольку данные действия напрямую затрагивают вопрос экономической целесообразности заключения сделки. В рамках изложенного примера, с одной стороны, предпринимателем-исполнителем осуществлены действия по достижению материального результата по сделке, в связи с чем им был получен соответствующий доход, прибыль, с другой стороны заказчик эксплуатирует результат, полученный им по сделке, который был им принят. То есть таким образом, складываться ситуация, когда все стороны по сделке получили удовлетворение, достигнув определенного ими правового интереса, но в силу нарушения порядка заключения сделки, таковая законно и обоснованно признается ничтожной.

Ввиду вышеизложенного, стоит отметить тот факт, что в вопросах реализации критериев экономической целесообразности сделок, в целом, отсутствует единообразное понимание таких критериев не только со стороны органов, осуществляющих правосудие по экономическим спорам, но и со стороны теоретического восприятия таких принципов как добросовестность сторон при осуществлении ими гражданских прав, включая осуществления прав по предпринимательским сделкам, соблюдения баланса интересов сторон по сделке.

Вместе с этим нельзя не указать очевидные, сформировавшиеся арбитражной практикой критерии восприятия экономической целесообразности сделки. Базовой основой, по нашему мнению, является специальная направленность заключения предпринимательской сделки, выражающейся в извлечение прибыли. По своему содержанию, данная целевая установка является результатом трансформации правового интереса предпринимателя по сделке, что выражается в том, что изначально, не получая какого-либо дохода, предприниматель несет расходы, сопряженные с исполнением сделки. Как отмечалось ранее такие расходы должны быть экономически оправданы результатом сделки, при стоит заметить, что окончательный результат по сделке может быть и не достигнут, но при этом начальные или промежуточные результаты по сделке в любом случае должны иметь место.

По этой причине, взаимосвязь расходов предпринимателя, обусловленная, в свою очередь, достижением какого-либо результата по сделке, так же может служить самостоятельным критерием оценки экономической целесообразности сделки.

Вполне допустимо рассматривать изложенное в контексте некоего алгоритма оценки экономической целесообразности сделки, даже в том, случае, если судом рассматривается иск прокурора о признании ее недействительной. По нашему мнению, во-первых он должен основываться на целевой установке сделки, которая выражается в получении прибыли во-вторых. Во-вторых – это установленный факт несения расходов, которые экономически оправданы целью заключения конкретной сделки. В-третьих – это наличие связи между основанием конкретной сделки и теми расходами который понес предприниматель в связи с ее исполнением. И, наконец, в-четвертых- это наличие не просто результата по сделке, а такого результата (не обязательного конечного результата), который дает возможность использовать полученное по сделке заказчиком. По крайней мере сегодня подобное вытекает из анализа отдельных судебных актов, в которых судами ставился вопрос об экономической целесообразности заключенной сделки в случае ее оспаривания прокурором.

Конечно, указанные критерии никак не могут быть опровергнуты судом в ходе конкретного судебного разбирательства, поскольку по аналогии с ч. 5 ст. 71 АПК РФ никакие доказательства ни уж тем более выборочные критерии их оценки не обладают законной силой и не являются заранее установленными для арбитражного суда. Однако, в условиях стремительно развивающихся экономических отношений и расширения сферы их государственного регулирования указанные критерии могут служить ориентиром как для законотворческого процесса, так и правоприменительной деятельности в системе функционирования экономического правосудия в целом.

Список литературы:

[1] Письмо Минфина России от 24.01.2025 № 03-03-06/1/5826 // https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/tax_relations/Answers/orgprofit?id_39=126824pismo_minfina_rossii_ot_11.02.2019__0303148047_o_primenenii_s_01.01.2019_amortizatsionnoi_premii_v_otnoshenii_sudov_zaregistrirovannykh_v_rmrs&ysclid=msokdpqmib737381780;.

[2] Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // Вестник ВАС РФ № 12, декабрь, 2006.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 (ред. от 23.12.2025) «О

некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» / Бюллетень Верховного Суда РФ, № 3, март, 2018.

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 8, август, 2015.

[5] Иванов А.А. Роль суда в правовой квалификации инвестиционных договоров в строительстве // Российский судья. 2026. № 1. С. 57 - 61.

[6] Виниченко Ю.В. О правовой судьбе постройки, самовольно возведенной частично на чужом земельном участке // Хозяйство и право. 2025. № 1. С. 57 - 68;.

[7] Юсупов М.-Б.Р. Злоупотребление правом как основание для признания сделки недействительной // Гражданское право. 2025. № 6. С. 23.

[8] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 08.10.2025) https://sudact.ru/law/obzor-sudebnoi-praktiki-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii_54/?ysclid=msx2kt7v62632062165.

[9] Постановления Пленума ВАС РФ от 23.03.2012 № 15 «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе» // Вестник ВАС РФ, № 5, май, 2012.

[10] Михайлова Е.В. Иск прокурора в арбитражном процессе как средство защиты экономических интересов государства // Журнал российского права. 2026. № 8. С. 51.;.

[11] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 26.08.2025 № 18-КГ25-292-К4 (УИД 23RS0044-01-2023-001286-42) // https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=866112&ysclid=mszsp84043594965837#swj8jSVRO7PcrqSH.

[12] Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 20.05.2009 по делу № А2910933/2008 // https://pravoved.sytes.net/cons/cgi/online.cgi?SORTTYPE=0&BASENODE=2364812&req=doc&cacheid=FBE4464203E690AB740EF8C4E0E48E58&mode=backrefs&rnd=vcqiaQ&base=RLAW096&n=41804#wonfjSVCi06ELmmG.

[13] Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2006 № 23 (ред. от 28.05.2019) «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодексаРоссийскойФедерации» // https://www.vsrf.ru/documents/arbitration/18976/?ysclid=mt1ajz0ig4534070434.

[14] Определение ВАС РФ от 13.01.2014 № ВАС-18963/13 // https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56117180/?ysclid=mt1fte6tcg736644682.

[15] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 11.08.2026 № Ф04-1753/2026 по делу № А46-17426/2025https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/38258239/?ysclid=mt1luk52h8906449647.

[16] Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд"(утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.06.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ", № 12, декабрь, 2017.

References:

[1] Письмо Минфина России от 24.01.2025 № 03-03-06/1/5826 // https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/tax_relations/Answers/orgprofit?id_39=126824pismo_minfina_rossii_ot_11.02.2019__0303148047_o_primenenii_s_01.01.2019_amortizatsionnoi_premii_v_otnoshenii_sudov_zaregistrirovannykh_v_rmrs&ysclid=msokdpqmib737381780;.

[2] Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 12.10.2006 No. 53 "On the Assessment by Arbitration Courts of the Reasonableness of the Taxpayer Receiving Tax Benefits "// Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 12, December, 2006.

[3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 21.12.2017 No. 53 (ed. 23.12.2025) "On some issues related to bringing the debtor's controlling persons to justice in bankruptcy "/Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, No. 3, March, 2018.

[4] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015 No. 25 "On the Application by the Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation "// Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, No. 8, August, 2015.

[5] Ivanov A.A. Role of the Court in the Legal Qualification of Investment Contracts in Construction // Russian Judge. 2026. № 1. S. 57-61.

[6] Vinichenko Yu.V. On the legal fate of the building, arbitrarily erected partially on someone else's land // Economy and law. 2025. № 1. S. 57-68;.

[7] Yusupov M.-B.R. Abuse of law as a basis for invalidating a transaction // Civil law. 2025. № 6. S. 23.

[8] Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2025) (approved by. Президиумом Верховного Суда РФ 08.10.2025) https://sudact.ru/law/obzor-sudebnoi-praktiki-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii_54/

?ysclid=msx2kt7v62632062165.

[9] Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 23.03.2012 No. 15 "On Certain Issues of the Prosecutor's Participation in the Arbitration Process "// Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, No. 5, May, 2012.

[10] Mikhailova E.V. The prosecutor's claim in the arbitration process as a means of protecting the economic interests of the state // Journal of Russian Law. 2026. № 8. S. 51.;.

[11] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 26.08.2025 No. 18-KG25-292-K4 (UID 23RS0044-01-2023-001286-42) // https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=866112&ysclid=mszsp84043594965837#swj8jSVRO7PcrqSH.

[12] Ruling of the Second Arbitration Court of Appeal dated 20.05.2009 in case No. A2910933/2008 // https ://pravoved.sytes.net/cons/cgi/online.cgi? SORTTYPE = 0 & BASENODE = 2364812 & req = doc & cacheid = FBEE4464203E690AB740EF8C4E0E48E58 & mode = backrefs & rnd = vcqiaQ & base = RLAW096 & n = 41804 # wonfjSVCi06ELmmG.

[13] Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 22.06.2006 No. 23 (ed. 28.05.2019) "On some issues of application by arbitration courts of the norms of the Budget Code of the Russian Federation "// https : //www.vsrf.ru/documents/arbitration/18976/? ysclid = mt1ajz0ig4534070434.

[14] Determination of the RF SAC dated 13.01.2014 No. SAC-18963/13 // https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56117180/?ysclid=mt1fte6tcg736644682.

[15] Decision of the Arbitration Court of the West Siberian District of 11.08.2026 No. F04-1753/2026 in case No. A46-17426/2025https : //www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/38258239/? ysclid = mt1luk52h8906449647.

[16] Review of judicial practice in the application of the legislation of the Russian Federation on the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs" (approved by. Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 28.06.2017) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation," No. 12, December, 2017.

